

Я затаился в злорадном предвкушении развязки. Очкарик же, приняв мою уступку за полную сдачу позиций, так раздулся от важности, будто только что выиграл генеральное сражение.

Про себя я лишь усмехался. Даже если я и пошел на попятную, то уж точно не ради него. И чего так петушиться? Вон его спутник, почтенный старец, до сих пор со мной на «вы» и держится предельно уважительно — сразу видна благородная закваска. А этот? Нацепил очки и возомнил себя светилом науки?

Я уже мысленно смаковал, какими именно словами размажу этого напыщенного индюка, когда явится маленькая покойница. Но стоило мне размяться, как в мыслях раздался голосок Хуэй Сяобао. Малыш огорошил меня новостью: оказывается, у нашего очкарика с отцом девочки есть кровное родство, пусть и дальнее.

Да твою ж мать! Никакой радости в жизни, даже помечтать спокойно не дадут!

Впрочем, родители покойной малышки относились ко мне по-прежнему тепло. Отец девочки так и вовсе едва ли не в собутыльники набивался — не откажись я наотрез от спиртного, мы бы точно пропустили по стаканчику. Не думал, что столь солидный человек умеет так легко забывать о собственной гордости.

К моменту, когда Фэн Мэй наконец завела девочку в отдельный кабинет, я уже наелся от пуза. Еще один кусочек — и точно бы лопнул.

Девчушка так и сияла. На ней красовалось новое платьице, которое я ей купил. Едва переступив порог, она радостно защебетала:

— Братик, братик! Гляди! Хороша я в новом наряде? В нем ведь можно явиться на доклад в Преисподнюю?

Я мысленно схватился за голову. Ну и бесшабашная девчонка! Своих родителей в упор не замечает.

— Братик, смотри, мама с папой тоже тут! Ты ведь у меня такой сильный, сделай так, чтобы они меня увидели! Я так хочу показать мамочке свое новое платье!

Малышка уже настолько свыклась со своим посмертным бытием, что живых людей попросту не воспринимала. Она вилась вокруг меня, а ее рот не закрывался ни на мгновение — строчила как из пулемета.

— А может, мне перед уходом использовать технику посылания снов? Рассказать, что ухожу? Вдруг они станут слишком сильно тосковать без меня? Будет плохо. Ведь когда я перерожусь, я их совсем позабуду...

Я несколько раз пытался вставить хоть слово, но куда там — девчушка не давала мне и рта раскрыть. Зато ее мама, во все глаза глядевшая на дочку, уже не могла сдержать слез. У отца тоже заблестели глаза, выдавая крайнее волнение.

— Доченька... Родная моя, хорошая моя...

Дрожа всем телом, женщина поднялась и сделала шаг навстречу. Она протянула руки, пытаясь обнять свое дитя, но пальцы безвредно прорезали пустоту. Коснуться призрака было невозможно.

Малышка застыла как вкопанная. До нее наконец дошло: мама ее видит. Она уставилась на мать широко распахнутыми глазами.

— Мамочка... Ты меня видишь? Мне ведь это не снится?

— Нет, не снится, мое солнышко... Господи, как же я рада снова видеть тебя, живую, веселую... Почему же небо столь несправедливо? За что лишило тебя здоровья, за что забрало так рано?..

Женщина зарыдала, не в силах вымолвить больше ни слова. Муж ласково обнял ее за плечи, но его собственный взгляд оставался прикован к дочке.

— Дочка...

— Папочка! И ты здесь! Ты так исхудал... Опять совсем не отдыхаешь? Так нельзя. Меня ведь больше нет рядом, кто теперь будет заботиться о маме, кроме тебя?

Отец преисполненным болью взглядом посмотрел на нее и кивнул.

— Обещаю, родная, папа со всем справится. И ты... ты тоже держись там, хорошо?

— Я знаю! Я была очень послушной. Сестрица Фэн Мэй многому меня научила. А когда я попаду в Преисподнюю, братик Чжоу обещал помочь мне устроиться, чтобы перерождение прошло без сучка и задоринки. Он сказал, что таким, как я, там помогают родиться заново поскорее. Так что не волнуйся, папа! Братец Сяобао уверяет, что если судьба свяжет нас снова, я смогу вернуться к вам. Я уже все решила: буду там вести себя прилежно, чтобы заслужить право вновь стать вашей дочкой!

— Правда?.. Доченька, ты и впрямь сможешь вернуться ко мне?

Женщина восторженно встрепенулась и с безумной надеждой во взгляде посмотрела сначала на дочь, а затем на меня.

Я молча кивнул в подтверждение ее слов:

— Нити вашей судьбы еще не оборваны. В ближайшие три года у нее есть все шансы вновь родиться в вашей семье. Но есть одно условие: вам нужно забеременеть и выносить здоровое дитя в этот срок. Иначе вернуться ей будет просто некуда.

И не думайте, будто я лезу не в свое дело или говорю банальности — в нашей практике бывало всякое.

Порой незавершенная земная связь позволяет душам встретиться вновь в том же союзе. Но убитые горем матери иногда наотрез отказываются рожать, уходят в себя или разводятся, даже не пытаясь создать новую семью. Из-за этого застрявшая в лимбе детская душа лишается возможности воплотиться, и чистая связь со временем перегорает, превращаясь в глухую обиду.

Случалось такое нечасто, но прецеденты были. Поэтому я и решил предупредить женщину, пока тоска окончательно не сломила ее волю к жизни.

Она опешила, но тут же истово закивала:

— Я поняла... Все сделаю! Уже завтра займусь своим здоровьем. Моя девочка придет в этот мир крепкой и сильной, я больше не допущу, чтобы она мучилась!

Немного поразмыслив, я счел нужным добавить важную деталь, чтобы избежать недопонимания:

— И еще кое-что, дабы потом без сюрпризов: пол ребенка при новом рождении может измениться. Будьте к этому готовы.

Родители переглянулись в легком недоумении, но быстро согласно кивнули — им, похоже, было решительно все равно, лишь бы вернуть дитя. А вот сама покойница оскорбилась до глубины своей призрачной души.

— Братик, ты это на что намекаешь?! Неужели я стану мальчишкой? Я же девочка!

Я усмехнулся:

— Скажи спасибо, что вообще путевку выбила, выбирать там не приходится. Да и откуда тебе знать, кем ты была в прошлой жизни? Вдруг парнем?

Такая сложная философия явно превышала возможности ее детского разума. Впрочем, унывать она не умела: мигом выбросив глупости из головы, она вновь принялась виться вокруг

родителей, увлеченно болтая обо всем на свете.

Оставив воссоединившееся семейство ворковать, я отвернулся и смерил тяжелым взглядом Ань Наня.

— Ну что, гостя на месте. Может, уберешь свой массив?

Оба гостя прекрасно поняли, что сели в лужу. Очкарик еще пытался сохранить мину при плохой игре, но пожилой мастер повел себя благороднее — он вежливо и сокрушенно поклонился мне, сложив ладони.

— Юный друг, похоже, вышло досадное недоразумение.

«Недоразумение?» — подумал я. Да нет, тут пахло откровенным снобизмом и предвзятостью.

— Мне-то, положи руку на сердце, плевать. А вот за моих Бессмертных я не ручаюсь.

Сяобао незадолго до этого бушевал у меня в голове, обещая устроить этим деятелям такую полосу неудач лет на десять вперед, что мало не покажется. Пищал, что если сам не справится, то призовет старших родичей из клана Хуэй.

И я даже не думал его останавливать. Меня самого распирало от злости. Тратишь собственные сбережения, из кожи вон лезешь, чтобы помочь неприкаянной душе, а тебя без суда и следствия записывают в чернокнижники. Обидно до глубины души.

— Вы учитель и ученик? — прищурился я.

Раз уж старик вознамерился замять конфликт, враждовать я не собирался, но и в друзья набиваться не планировал. Так что тон мой оставался прохладным.

— Нет, Ань Нань приходится мне племянником по школе. Мы с его отцом учились у одного мастера.

Я кивнул, а затем добавил с нажимом:

— Раз это недоразумение, хорошо, что во всем разобрались. Только вот виновнику торжества не мешало бы извиниться.

К старшему у меня претензий не было, но поучить хорошим манерам его спесивого племянничка так и подмывало.

Очкарик затрясся от ярости, тыча в меня дрожащим пальцем:

— Ты... да как ты смеешь зубы заговаривать?! Не наглей!

О, ну надо же! Я прямо-таки завелся. Выходит, за его собственные глупости извиняться должен я?

— А разве я не прав? Ты вообще в школе учился? В детском саду даже глупых карапузов уверяют: набедокурил — извинись. Или ты у нас умом не дорос до трехлетнего ребенка?

Пожилому мастеру тоже стало неловко за родственника. Он зловеще прошипел:

— А ну сядь! Позорище... Мало ты сегодня дров наломал?

Очкарик, судя по всему, смертельно боялся дяди. Стоило тому прикрикнуть, как спесь с парня мгновенно слетела, и он понуро опустил голову, напоследок метнув в меня полный ненависти взгляд.

Я лишь приветливо улыбнулся ему в ответ. «Ну-ну, — подумал я, — не хочешь по-хорошему — пеняй на себя. Когда тебя начнет преследовать тотальное невезение, ко мне за помощью не беги».

Ровно в полночь за душой девочки явился призрачный конвойный из Преисподней. Попрощавшись, она покинула мир живых. В преисподней ее ждал короткий суд перед тем, как ей позволят вернуться на землю и вновь родиться у своих родителей.

Прощание вышло щемящим, но горьких слез на этот раз никто не лил. Все понимали: эта разлука — лишь временный порог перед скорой встречей.

Мы со старым даосом обменялись визитками, но я мысленно дал себе зарок: звонить ему только в самом крайнем случае. Иметь дело с семейкой, где водится подобный очкастый недоумок, у меня не было ни малейшего желания — тошно от одного воспоминания.

Благодарные родители выписали мне чек на кругленькую сумму — пятьдесят тысяч юаней. Для студенческих работ планка небывалая, но, учитывая обстоятельства, вполне оправданная.

А миниатюрный набросок я сжег над пламенем свечи, отправив рисунок вслед за девчужкой в загробный мир — пусть любит себя красивую.

Картину моего сокурсника Юй Цзэ тоже кто-то приобрел, но выручил он за нее сущие гроши. Неудивительно, что парень потом ходил чернее тучи.

Зато я ликовал. Финансовые трудности отступили, и я наконец-то мог вздохнуть свободно.

Спустя пару дней после сделки я привычно нагрянул в гости к профессору Вану под предлогом «проведать наставника», а на самом деле — просто набить брюхо. Моя дорогая наставница Лу расстаралась на славу: сотворила четыре изысканных блюда и наваристый суп.

За столом я оказался не один — компанию мне составил мой старший соученик Дэн Гопин. Разница в десять лет нисколько не мешала нашему общению. Мы со старшим соучеником понимали друг друга с полуслова. Из тех редких встреч, когда ловишь себя на мысли: «И почему мы не познакомились раньше?»

Профессор Ван, глядя на наше единодушие, только радовался, хотя при упоминании Юй Цзэ заметно погрузнел. Старик явно чувствовал, что в нашем трио согласия нет.

После сытного обеда мы устроились в гостиной. Разговор зашел о первом учителе нашего профессора — человеке, который когда-то привил ему любовь к искусству.

А где воспоминания о мастере, там и его картины. Профессор увлек нас в святая святых — рабочий кабинет, чтобы показать уцелевшие холсты. Разумеется, наш взгляд сразу упал на тот самый старинный портрет маленькой девочки.

Я всматривался в тонкие черты лица на холсте, и во мне с новой силой крепло ощущение дежавю. Знакомое лицо, безумно знакомое... Но где же я мог его видеть?

— Профессор, как думаете, эта девочка еще жива? Если да, то ей сейчас должно быть под восемьдесят? — я не удержался от вопроса.

Профессор Ван задумчиво кивнул:

— Пожалуй. Сестрица Сяо Мэй, будь она жива, была бы старше меня.

Я похолодел. Сяо Мэй?!

— Учитель... ее звали Сяо Мэй? — мой голос дрогнул.

— Да. Мой учитель носил фамилию Фэн. А дочку его звали Фэн Жумей.

Мать твою за ногу! Вот и сошлись детали головоломки. И как я сразу не догадался? Это же Фэн Мэй в детстве!

— Наверное... ее уже давно нет на этом свете, — с трудом сглотнув вязкую слюну, выдавил я.

Профессор Ван тяжело вздохнул:

— Верно. В те лихие, голодные военные годы сгинуть без вести мог кто угодно. Ничего удивительного.

Вернувшись домой, я застал Фэн Мэй у окна. Она молча созерцала бледный диск луны. В ее одиноком, застывшем силуэте сквозила такая беспросветная тоска, что у меня болезненно сжалось сердце.

Я медленно подошел ближе. Слова застревали в горле — я несколько раз порывался заговорить, но в последний миг прикусывал язык.

Знала ли она, что отец искал ее до самого своего смертного часа? Глядя на ее простое платье и кроткий нрав, я понимал: земная жизнь не баловала ее радостями.

Фэн Мэй не повернула головы, продолжая смотреть в окно:

— Вернулся, братик? Хочешь мне что-то рассказать?

Поколебавшись, я все же решился нарушить молчание и поведал ей историю о первом наставнике моего профессора — бережно, деталь за деталью.

— Сестра Мэй... та девочка с портрета — это ведь ты? Картина сейчас хранится у моего учителя. Если захочешь взглянуть, я отведу тебя туда.

Повисла тяжелая, густая тишина. Сестра Мэй молчала так долго, что я уже потерял надежду услышать ответ. И вдруг она тихо, едва слышно произнесла:

— Вот как... Ну что ж, это хорошо.

<http://bllate.org/book/20253/2213764>